

**О БАРТЕНЕВЫХ А. Н., А. К., И. А., Л. С.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

БАРТЕНЕВ Александр Николаевич, родился в 1878 в Московской губ. Окончил кадетский корпус, в 1900 — Константиновское артиллерийское училище, служил в 37-й артиллерийской бригаде в Новгородской губ. В 1904 — участник Русско-японской войны, затем преподавал в военных училищах Санкт-Петербурга. С 1912 — столоначальник, затем помощник начальника отделения в Главном артиллерийском управлении в чине капитана, к 1917 — в чине подполковника, затем полковника¹. С 1919 — директор Охтенского порохового завода в Петрограде, с 1920 — начальник отдела складов Окружного артиллерийского управления, с 1921 — старший инспектор Морской инспекции, с 1922 — преподавал на рабфаке, с 1928 — в школах ФЗУ, с 1931 — в институтах. 7 марта 1935 — выслан с семьей в Орел на 5 лет.

В конце марта 1935 — обратился на помощь к Е. П. Пешковой.

<31 марта 1935>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Всем своим авторитетом, всеми имеющимися в Вашем распоряжении путями, помогите глубоко и незаслуженно обиженной семье.

Мое жизнеописание при сем прилагается. оно всесторонне обрисует Вам меня.

Вот уже скоро 3 недели, как я испытываю со своею семьею чувство, какое, верно, испытывает ребенок, которого больно и незаслуженно наказали.

Советская власть, которой я верно и честно служил 18 лет и надеюсь служить столь же верно и преданно и дальше, не может обидеть человека только за то, что он — бывший офицер и безземельный дворянин, тем более, что я этого никогда не скрывал.

На 3-е Марта 1935 г<ода> я состоял в Ленинграде:

1. Военным руководителем Детскосельского Сельскохозяйственного Института и преподавателем в нем же.
2. Преподавателем Л<енинградского> Индустриального Института.
3. Преподавателем Л<енинградского> Института Повышения Квалификации хозяйственников.

Везде мною дорожили, все меня ценили, всюду я слышал блестящие отзывы о своей работе и, в частности, слышал их и от своих учеников — крупных хозяйственников и членов ВКП (б) по Институту Повышения Квалификации.

Сын мой шел почти 1-м на V курсе Архитект<урного> факультета Академии Художеств. отзывы о нем профессуры не расходились с блестящими отзывами о его общественной работе студенческих партийных и профсоюзных организаций.

И вот в ночь с 3-го на 4-е марта у меня производится 4-х часовой обыск. У меня, человека, прожившего всю свою долгую жизнь упорным трудом, ищут ценности и оружие. Ни того, ни другого, естественно, не находят, хотя дело доходит до взламывания пола. Затем меня арестовывают на 3-е суток, после чего я получаю предписание Ленинградского Управления НКВД от 10 марта № 737 покинуть со всею семьею Ленинград в 7-ми дневный срок и выехать в город по своему усмотрению (минус 15 областей).

---

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда, Гатчины, Колпина, Красного Села, Ораниенбаума, Павловска, Петергофа, Сестрорецка и Царского Села на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

Я выбираю гор<од> Орел и выезжаю из Ленинграда со всею семьею, бросая любимую педагогическую работу, бросая квартиру, продавая за гроши свою более чем скромную обстановку, чтобы выручить что-нибудь на дорогу, бросая, наконец, город, в котором я провел почти 48 лет

Я и все члены моей семьи теперь — административно высланные.

Со мною высланы:

1. Моя жена, женщина 50 лет, страдающая бронхиальной астмой <...> и сильнейшим малокровием на почве истерии, что ставило ее в необходимость серьезно лечиться у ленинградских специалистов.

2. Мой сын — без 5 минут архитектор-художник, которому осталось сдать 2 зачета: по немецк<ому> языку и истории архитектуры и защитить дипломный проект.

3. Моя невестка (жена сына), только что защитившая дипломный проект и удостоенная звания инженера-электрика кинопромышленности. Она даже не дворянка. Вся ее вина в том, что, будучи студенткой, она полюбила сына бывшего офицера, который, как и его отец, никогда не скрывал своего прошлого.

В НКВД мне было заявлено, что меня буквально ни в чем не обвиняют, но при этом предложили передать моему старшему брату, Сергею Николаевичу Бартеневу (60 лет), чтобы он тоже выезжал из Ленинграда. А он — участник гражданской войны и бывш<ий> Начальник Штаба IX Кубанской армии, тоже бывший офицер, как и я.

Все наши (мое, сына моего и его жены) заявления в Ленингр<ский> НКВД остаются безрезультатными. Все наши усилия доказать, что мы — честные советские работники разбиваются о слова: мы в этом не сомневаемся, но вы должны выехать, ибо идет чистка Ленинграда...

Почему эта чистка распространяется на нас?

На следующий день после Октябрьского переворота я был в Смольном и тем засвидетельствовал новой власти свою преданность. С этого дня я честно служил Советской власти и в этих же понятиях воспитал и своего единственного сына, тогда 6-ти летнего ребенка, а теперь студента V курса Академии Художеств Игоря Александровича Бартенева. Он выдающийся студент, он талантлив, как мне, его отцу, лично сказал его декан проф<ессор> Рославлев. Сын мой поступил в ВУЗ, как сын военного специалиста, он никогда не скрывал в ВУЗе, что он сын офицера и безземельного дворянина.

Вся его работа в двух ВУЗах, сперва Лен<инградского> Института Инженеров Коммуна<льного> строительства, а затем и в Академии Художеств, куда он переводился, как исключительно талантливый человек — это сплошной порыв, это одно сплошное ударничество человека, старающегося оправдать оказанное ему Советской властью доверие. Он проходил чистку в Академии Художеств месяц тому назад и оставляется в академии, ибо и профессура, и общественные и партийные организации сходятся в одном мнении, что это выдающийся студент (слова декана проф<ессора> Рославлева). Еще два зачета, защита дипломного проекта и сын мой — архитектор-художник, советский зодчий, в которых так нуждается Советская страна, после знаменитого постановления ЦК партии "Об архитектурном образовании".

Я, отдавший Советской власти 18 лучших зрелых лет своей жизни, свой военный опыт и знания, я, служивший ей честно в дни ее испытаний, когда она нуждалась особенно в честных работниках, я не могу быть опасным теперь, когда советская страна стала сильной, могучей и грозной для своих врагов.

Не может Советская власть обидеть меня, честно ей прослужившего 18 долгих лет, когда я уже почти старик.

Произошла ошибка, произошло недоразумение...

Помогите же исправить эту ошибку всем своим авторитетом.
Советская власть карает преступников, но не своих верных и честных слуг.

Я не могу выехать сам из Орла, лично просить Вашей помощи, ибо я, повторяю, административно высланный и дал подписку о невыезде до получения моих документов из НКВД. Мой сын тоже не может выехать по тем же причинам.

Я прошу восстановления справедливости, а именно:

1) Снятия с меня, жены моей, сына моего и моей невестки не укладывающегося в моем понятии клички административно высланных.

2) Я прошу предоставить всем нам право повсеместного жительства, не исключая и Ленинграда, а не в весьма ограниченном районе (минус 15 областей).

Я усиленно прошу Вас спасти будущее моего сына и дать ему возможность закончить высшее образование, для чего ему потребуется лишь 7-8 месяцев.

Член Секции Научных Работников

(билет № 12794 Лен<инградской> организ<ации> А. Бартенов.

Справка:

жена моя — Александра Капитоновна Бартенева,

сын мой — Игорь Александрович Бартенов,

жена сына — Лариса Сергеевна Бартенева.

Орел, 1-я Пушкарная ул., д. 64.

4 апреля 1935»².

«Жизнеописание А. Н. Бартенева

Родился 6 августа 1878 года под Москвой, около ст<анции> Подсолнечной Октябрьской ж<елезной> д<ороги>, в семье отставного штабс-капитана. Отец, безземельный дворянин, служил в это время в страховом обществе "Россия". Семья, насчитывавшая уже 4-х детей (от 2-х браков отца), как мне говорили, довольно сильно бедствовала. Мать моя была дочерью профессора Московского Высшего Технического Училища по кафедре технологии волокнистых веществ — Федора Михайловича Дмитриева, по рождению крестьянина, бывшего первым русским текстильщиком (см. энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона).

Потеряв в 1883 году и вторую свою жену — мою мать — отец скоро женился в 3-й раз, и таким образом, когда мне минуло 11 лет, семья отца насчитывала уже восемь человек детей. Чтобы разрядить семью, старших двух сыновей: меня и брата моего, — в 1889 году отдали в Кадетский корпус, который я и окончил в 1897 году.

Пробыв в закрытом учебном заведении восемь лет, не зная хорошо жизни, не имея возможности найти в обремененной детьми семье материальной поддержки для поступления в гражданское высшее учебное заведение, пришлось автоматически перейти в военное училище (Константиновское артиллерийское), где обеспечено было образование, стол и одежда.

Склонности к военному делу я никогда не имел, что и подтвердится, как увидит читатель, дальнейшей моей службой: военной лишь по платью, но канцелярской по существу.

Окончив с отличием в 1900 году артиллерийское училище, я вышел в 37-ю артиллерийскую бригаду, квартировавшую в Селищевских казармах Новгородской губернии.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1512. С. 193-195. Автограф.

В 1904 году я был направлен на театр военных действий, на пополнение убыли в Манжурских армиях. В боях под Сандепу и под Мукденом я участвовал в рядах 43-й артиллерийской бригады.

Таким образом в 1905 году прекращается моя строевая служба и дальнейшая протекает исключительно на военно-канцелярских должностях в пределах Ленинграда, который был мне необходим как крупный центр, в котором я мог иметь приработок, так как после смерти в 1902 году моего отца, мы со старшим братом являлись единственными работниками в семье, состоявшей из моей овдовевшей мачехи и 5 человек детей, не считая нас с братом (самая старшая сестра была замужем).

Для пополнения средств (я получал жалованья 90 руб<лей>) я начал бегать по урокам. Так продолжалось до 1910 года, братья и сестры малолетние подросли и стали зарабатывать сами. Я мог подумать о создании собственной семьи и в 1910 году я женился.

Женитьба не улучшила моего материального положения, так как семья моей невесты жила исключительно на пенсию. Мне пришлось работать еще больше. Кроме уроков я начал работать в типографии военной газеты "Русский инвалид" в качестве ночного корректора, а затем и сотрудничать в этой газете и в журнале "Военный сборник".

Журнальная работа (гонорар 5 к<опеек> за строку) и педагогическая работа давали мне в общей сложности до 100 руб<лей> в месяц, что вместе с жалованием (115 руб<лей>) и составляли мою прожиточную сумму.

В 1912 году родился мой единственный сын (в настоящее время студент V курса архитектурного факультета Академии художеств).

В 1912 году, в связи с производством в капитаны, я окончательно отказываюсь от мысли возвратиться в строй и перехожу на чисто административно-канцелярскую работу в Главное Управление, будучи назначен сперва столоначальником, а затем помощником начальника отделения по заключению контрактов на предметы боевого снабжения для армии.

Здесь, в Главном Артиллерийском Управлении, я служил вплоть до 1919 года. Здесь я встретил сперва февральскую, а затем и Октябрьскую революцию, а в 1918 году в составе этого Управления переехал вместе с Правительством в Москву.

На другой же день после Октябрьского переворота я был в Смольном и, засвидетельствовав свою преданность новой власти. Спустя несколько дней в Главное Артиллерийское Управление явились представители так называемого "Союза Союзов", потребовавши от сотрудников управления примкнуть к "Всероссийской забастовке протеста"

Главное Артиллерийское Управление было в то время самым многочисленным из всех главных управлений военного министерства, а потому от результатов голосования этого вопроса на общем собрании сотрудников Главного Артиллерийского Управления (до 800 человек), зависел вопрос, примкнет ли к забастовке и все военное министерство.

В числе всего нескольких человек, из числа которых припоминаю подполковника Михаила Александровича Пещанского (живет сейчас под Ленинградом на ст<анции> Раздольная, пенсионер), я выступил резким противником забастовки, и в результате почти 3-х часовых прений вопрос забастовки был провален, и на следующий же день лидеры сторонников забастовки на службу не явились и, как оказалось позднее, бежали за границу.

Так встретил я Октябрьскую революцию и связал с нею всю дальнейшую судьбу свою и своей семьи, а в том числе и своего 6-ти летнего, в то время единственного сына.

В дальнейшем я непрерывно и честно служил Советской власти:

1. Начальником Отделения Главного Артиллерийского Управления по металлам и топливу.

2. Коммерческим директором Охтенского порохового завода (1919-1920 г<од>).

3. В рабочем батальоне рабочих Охтенского завода по обороне Ленинграда от Юденича.

4. Начальником отдела складов Окружного Артиллерийского Управления Ленинградского военного округа.

5. При учреждении рабочих факультетов я сразу вступил в число преподавателей рабфака Сельскохозяйственного института и работал в нем вплоть до 1925 года, насчитывая в настоящее время многие сотни своих учеников из числа молодых пролетарских специалистов.

6. Старшим инспектором Морской Инспекции Снабжения Чрезвычайного Уполномоченного по снабжению Балтфлота (1920-1921 г<од>).

7. Начальником школы оружейных и артиллерийских мастеров ЛВО³.

8. Преподавателем школ ФЗУ в течение с 1928 по 1931 г<од>.

9. Военным преподавателем Котлотурбинного, Гидротехнического, Машиностроительного, Индустриального и Сельскохозяйственного институтов (1929-1935 г<од>).

10. Военным руководителем Детскосельского Сельскохозяйственного института.

Таким образом, я отдал Советской власти почти 18 лет непрерывной, честной незапятнанной службы, другими словами, отдал все, что может отдать честный человек.

Никогда и нигде не только не получал выговоров и замечаний, но, наоборот, только одни положительные отзывы о своей работе, что, между прочим, могут подтвердить и мои ученики, ответственные работники и члены ВКП (б) по Ленинградскому институту повышения квалификации хозяйственников, с которыми я работал до последнего времени по математике и механике <...>.

Вся моя 18-ти летняя служба Советской власти, и я сам чисты, как кристалл. На моей совести нет ни одного пятна, могущего опорочить, меня как человека и как советского педагога.

В 1933 году я был арестован и, пробыв в заключении один месяц, был освобожден без единого допроса и без предъявления мне какого бы то ни было обвинения.

Наконец, в ночь с 3 на 4 марта текущего года я вновь был арестован органами НКВД и, пробыв в заключении всего двое в половиною суток, через день получил предписание Оперативного отдела Ленинградского Управления НКВД от 10 марта № 737 о выезде со всей семьей (жена, сын — студент курса Академии Художеств и жена сына — молодой инженер-электрик) в 7-ми дневный срок в избранный по нашему усмотрению город Орел.

А. Бартенев.

31 марта 1935»⁴.

В 1936 — благодаря ходатайству ПКК и своей настойчивости, Александр Николаевич Бартенев был возвращен в Ленинград вместе со своей семьей. Преподавал в Индустриальном институте. 10 октября 1937 — арестован. 11 декабря 1937 — приговорен к ВМН. 20 декабря расстрелян⁵.

³ Ленинградский Военный округ.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д.1512. С. 196-198. Машинопись, подпись — автограф.

⁵ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.